

Глава 34. Смутьянка

Наплыв народа на ярмарке и впрямь оказался нешуточным. Вскоре двоим супругам стало совсем не до разговоров — оба с головой ушли в работу.

— Тётушка, ну никак нельзя дешевле, цена и так по самому краю, — терпеливо объяснял Вэй Вэнькан очередной покупательнице. — Сами потроха, может, и не так дороги, да специи нынче в цене. А уж сколько труда уходит, чтобы всё это вычистить! Если сами когда требуху готовили, то знаете: пока раз десять не промоешь, дух тяжелый никуда не денется.

— У нас так заведено: невкусно — денег не берем. Но не может же быть так, чтобы только вам одной не понравилось? Вкусы-то у всех разные. Вот если всей вашей семье не по нраву придется, тогда уж точно деньги вернем.

За последние дни юноша изрядно поднаторел в торговом деле, и язык его стал куда острее. Деревенские, редко тратившие деньги на готовую еду, любили расспрашивать с пристрастием, но Вэнькан не сердился. Он отвечал вежливо и кротко, чем вызывал у людей искреннюю симпатию.

Кто-то, заметив, как споро он считает сдачу, полюбопытствовал:

— Парень, а ты, никак, ученый? Видно, что за книгами сидел.

— Случалось, — скромно улыбнулся торговец. — Несколько лет проучился.

— И что же, бросил теперь?

— Ну что вы. Через пару дней снова к занятиям приступлю.

Видный собой, грамотный, да еще и с таким покладистым нравом — местные свахи тут же навестили уши.

— А женат ли ты, соколик? — вкрадчиво спросила одна из дородных тётушек. — У меня в деревне такая девица на примете есть, красавица — глаз не оторвать! И в руках у неё всё спорится.

— И у меня невеста на выданье! — подхватила другая. — Пятнадцать годков, семья зажиточная, приданое доброе.

Вэй Вэнькан поспешил пресечь эти речи:

— Благодарю вас, почтенные, но я уже связан узами брака. Вот он, мой супруг, — он указал на Тяньцзяо, работавшего рядом.

Свахи недоверчиво переглянулись.

— Да ладно тебе лапшу на уши вешать! Мы же помним, как он на днях говорил, будто ты ему брат.

Вэй Вэнькан слегка прищурился и, повернувшись к партнеру, тихо спросил:

— Значит, я твой брат?

Лю Тяньцзяо, который ляпнул это тогда лишь для того, чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей, невинно захлопал ресницами:

— А разве я дома не зову тебя братом?

— Ты меня по имени-фамилии кличешь, — отрезал Вэнькан.

— Так и ты меня по имени зовешь, — фыркнул гэ'эр.

Вэй Вэнькан нахмурился:

— Это совсем другое дело.

— И в чем же разница? — не сдавался юноша. — Уж не потому ли, что ты мужчина, а я — гэ'эр?

— Просто другое, и всё, — Вэнькан, понимая, что в споре с этим упрямым ему не победить, решил сменить тактику: — В общем так: отныне ты должен звать меня фуцзюнем.

— А ты меня тогда как — Цзяо-цзяо? — Тяньцзяо картинно передернуло. — Тьфу, гадость какая!

Мужчина, глядя на его недовольную мину, почувствовал себя последним дураком за то, что вообще затеял этот спор.

Покупатели вокруг, наблюдая за этой сценой, довольно хохотали:

— Гляньте-ка на них! Молодые-то как мило бранятся — только тешатся!

Лицо Вэй Вэнькана залил густой румянец.

Сяо Цянь-ши чувствовала себя так, будто на неё просыпались все беды мира. То, что Лю Лаосань связался с её сестрой, — это их собственное бесстыдство, но почему-то в народе поползли слухи, будто это она, старшая сестра, их сводила. Теперь третья невестка, Гуань-ши, при каждой встрече смотрит на неё волком. Да и в родном доме заступничества не нашлось: родители попрекают, мол, родную сестру деверь обидел, а ты и слова в защиту не молвила.

Даже собственный муж, Лю Лаоэр, сорвался на неё. Обвинил в том, что вместо дела супруга только и знает, что по чужим углам шнырять да беды на семью накликают. Женщина по натуре была вздорной и острой на язык, и обычно в долгу не оставалась, но в этот раз притихла. Глаза у Второго Лю были такие бешеные, будто он готов был её живьем сожрать.

Вторая невестка чуяла: что-то в их доме пошло не так, но боялась даже думать об этом, а уж лезть к мужу с расспросами и вовсе не решалась. Весь свой гнев она изливала в проклятиях в адрес Лю Тяньцзяо и его семьи.

На ярмарку она идти не собиралась, но Гуань-ши настояла: мол, муж её сильно изранен, и деверь со снохой просто обязаны купить ему добрый кусок мяса для поправки сил. Глядя на то, как Лю Лаосань даже воду пьет с трудом, Сяо Цянь-ши понимала: кроме пустой каши он ничего не проглотит. Ясно было, что родственница просто сама захотела полакомиться за чужой счет.

Однако домашние, боясь новых истерик, заставили женщину раскошелиться. Делать нечего, пришлось идти на рынок и высматривать какие-нибудь обрезки подешевле.

Обойдя все ряды, она пришла в уныние — мясо стоило баснословно дорого. В дурном расположении духа невестка заметила толпу у бывшей лавки Старшего Лю. Заинтересовавшись, она протиснулась вперед.

— Что это вы тут все покупаете? Чего столпились?

— Потроха тушёные, — отозвался кто-то из очереди. — Вкус — пальчики оближешь!

«Потроха...»

Сяо Цянь-ши презрительно скривилась. Обычная требуха, от которой за версту разит хлебом. Но раз уж торговал ими Лю Тяньцзяо, она не могла пройти мимо, не вставив свои пять монет.

— И почем же сей деликатес? — спросила она у стоявшей рядом старушки.

— Три монеты за порцию, — ответила та.

— Хм, недорого. За целый-то цзинь — всего три монеты, — она тут же позабыла о своем брезгливом отношении к требухе. За такую цену можно и купить, чтобы отделаться от Гуань-ши. Всё же мясо, пусть и второсортное.

— Какой еще цзинь? Три монеты за два ляна!

Сяо Цянь-ши аж подпрыгнула на месте:

— Да он что, грабить нас вздумал?!

Старушка смерила её пренебрежительным взглядом:

— Много ты понимаешь! Там одних специй на целое состояние, а вкус такой, что никакой свинины не надо.

Что может быть невыносимее, чем видеть успех того, кого ты всей душой ненавидишь? Женщина, не помня себя от ярости, ворвалась в лавку.

— Лю Тяньцзяо, бессовестная твоя рожа! Совсем страх потерял — требуху по пятнадцать монет за цзинь впаривать?! Видать, от жадности разум окончательно помутился!

Шумная ярмарочная суэта вокруг лавки мгновенно стихла. Люди замерли, предвкушая знатную свару.

Юноша нахмурился:

— Вторая тётушка, вы бы постыдились. В больших ресторанах обычную траву, которой свиней кормят, подают по серебряному ляну за блюдо. В еде главное — чистота и вкус. Наши потроха люди по десять раз перемывают, а потом в дорогих специях томят до нежности. Почему же они не могут стоять своих денег? Или вам только тогда «честно» будет, если мы их вам даром отдадим?

Услышав обращение «тётушка», толпа тут же смекнула: у этой женщины с молодыми супругами старые счеты. О цене потрохов все мгновенно забыли — куда интереснее было узнать, какая кошка между ними пробежала.

Лю Тяньцзяо, не заставляя зрителей ждать, горестно вздохнул:

— Тётушка, побойтесь бога! Отец только преставился, долги на нас висят неподъемные, лавка

мясная закрыта... Кое-как на потрохах пытаемся на кусок хлеба заработать, так вы и тут нам палки в колеса вставляете!

Сяо Цянь-ши не унималась:

— Какие еще долги?! Твой отец оставил тебе дом каменный в три комнаты да пять му земли! Хватит уже тут нищим прикидываться!

В толпе слышались смешки:

— Ишь, как она чужое добро-то посчитала. Не иначе как сама на него глаз положила?

— Да ладно вам, — вставил кто-то рассудительный, — родственники же, знают, кто как живет. Лю-мясник при жизни не бедствовал, торговля у него бойко шла. Небось, и сбережения остались. Может, паренек и впрямь при бедняется.

Взгляд Вэй Вэнькана стал еще холоднее, но голос остался мягким и увещательным:

— Мы все одна семья, зачем же на людях позориться? Про ту беду с третьим дядей мы знаем — вы ведь не со зла его так... Но мы-то тут при чем? Смилуйтесь, тётушка, не губите наше дело.

Слухи становились всё заковыристее. Кто-то из толпы не выдержал:

— Что там с третьим дядей? Рассказывайте уж!

Он с деланным смущением, запинаясь, проговорил:

— Да... сильно он пострадал. Рана тяжелая. Наша вина, видать, — не стоило нам на свадьбу угощение готовить. Тётушка тогда столько вина да закусок с собой унесла, видать, дядя-то и переел лишнего...

Лю Тяньцзяо, мгновенно уловив нить, изобразил на лице глубочайшую скорбь:

— Если бы с нашим угощением что не так было — полдеревни бы слегло! А то ведь десять столов гостей ели — и хоть бы хны. Только вот свадебное вино, которое мы для брачной ночи берегли... Уж не знаю, кто там над ним нашаманил, но стоило тётушке его забрать — и дядя сразу занемог.

Толпа ахнула. Утащить вино, предназначенное для молодых в их первую ночь, — дело неслыханное и постыдное.

Одна из почтенных матрон, оглядев Сяо Цянь-ши с ног до головы, вдруг воскликнула:

— Батюшки! Да ты, никак, на жениха-красавца позарилась? Небось, сама с ним выпить хотела, раз вино брачное утащила?!

Тяньцзяо вытаращил глаза, прикрыв рот ладонью:

— Тётушка... неужто правда? Вы же ему в матери годитесь!

Она, какой бы толстокожей ни была, такого позора вынести не смогла. Лицо её из красного стало фиолетовым.

— Да что вы несете, старые перечницы! Чтоб я на этого задохлика польстилась?! Да он от первого ветра развалится!

— Какой там задохлик! Парень хоть и худ, а собой хорош — загляденье.

— И то верно! Наговорит сейчас с три короба... Видать, не достался — так хоть опорочить! Недобрый человек, ой недобрый.

Вэнькан, никак не ожидавший, что дело примет такой оборот, поспешил вставить слово:

— Полно вам, люди добрые, не смейтесь. Тётушка наверняка просто не знала, что то вино заветное было.

Сяо Цянь-ши, лишь бы прекратить издевательства, закивала как заведенная:

— Вот-вот! Не знала я! На нем же не написано было, что оно брачное!

Но толпу уже было не остановить:

— Не знала — так не хватай чего не просят! Воровство это, как ни крути.

— Какое воровство! Мне свекровь, бабка этого Тяньцзяо, велела забрать!

— Ага, так мы и поверили! Небось, прикрылась старушкой, а сама полные сумки набила.

— Да гляньте на неё — лицо злое, заносчивое. Станет она такую покладистую невестку изображать!

Она шла сюда, чтобы унижить племянника, а в итоге сама оказалась оплеванной со всех сторон. Поняв, что спорить бесполезно, она, улучив момент, проскользнула сквозь толпу и пустилась наутек.

Лю Тяньцзяо проводил её взглядом, и на губах его заиграла горькая усмешка.

«Пара слов, капля сплетен — и вот уже она бежит без оглядки. А ведь они годами травили меня такими же помоями...»

В этом мире трудно жить честно и праведно, но разрушить чью-то жизнь — особенно если это женщина или гэ'эр — проще простого. И Тяньцзяо не хотел бы прибегать к таким методам, да жизнь заставила.

Настроение у Сяо Цянь-ши было окончательно испорчено. Ни о каком мясе для Гуань-ши речи уже не шло, но и возвращаться с пустыми руками было опасно — дома ждала взбучка. Решив сэкономить, она направилась к лавке Мясника Линя в надежде купить требухи по дешевке.

Однако тот лишь развел руками — всё продано.

Женщина, обливаясь потом под палящим солнцем, в сердцах воскликнула:

— Да как так-то! Мясо вон лежит, а потроха кончились? Кто ж их ест-то, дрянь эту вонючую!

Мясник Линь покосился на неё недобрым взглядом:

— Кончились — значит, людям по нраву пришлись. В последние дни их спозаранку забирают, только выставить успеваю.

— Видать, совсем народ обнищал, раз на отходы набрасывается.

Линь, и без того человек нрава крутого, не выдержал её язвительного тона и рявкнул:

— Слышь, ты! Рот свой поганый закрой! Коли все вокруг у тебя нищие, так чего ж ты сама за требухой притащилась?

Сяо Цянь-ши, задрав нос, фыркнула:

— Да чтоб я эту гадость ела! Псу нашему купить хотела, не более.

Мясник Линь, видя её спесь, ехидно осклабился:

— О как! Значит, госпожа у нас из благородных? Ну, раз вы такая богатая, что псов требухой балуете, так может, и мяса себе прикупите?

Она и за медяк удавилась бы, но вслух бросила:

— Не стану я у тебя покупать. Гляжу я — мясо-то у тебя несвежее, залежалое.

Тут уж Линь не на шутку разошелся. Он с размаху вогнал мясницкий тесак в колоду и прорычал:

— Ах ты, дрянь подзаборная! Денег нет — так еще и товар мой хаешь?! Жить надоело?!

<http://bllate.org/book/15343/1412285>